

АЛЬМАНАХ • БОБОК • 13 • 91

Ксюрхн

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

SERVICE
de CONNAISSANCE
«BOBOK»

*Вам надоел вид из Вашего окна,
выходящего на заднюю стену котельной?*

*Вам уже неинтересно, в поисках
экзотических впечатлений, в шестой раз
осматривать заколоченную церковь
Усекновения главы Иоанна Предтечи?*

*Вам не нравится язык, на котором
окружающие изъясняются в очередях
и общественном транспорте?*

*Вы в достаточной степени толковы
(красивы), чтобы обеспечить себе
приличную (роскошную) жизнь не тем
способом, к которому Вы вынуждены
прибегать сейчас?*

*Стоит лишь написать нам, и мы Вам
устроим вид на выбранный Вами пейзаж,
организуем экскурсию в Храм Зуба Будды;
посодействуем в получении приглашения
туда, где все изъясняется на том языке,
который Вы предпочитаете; найдем
возможность занять Вас тем, чем Вам
заниматься приятней.*

Не забудьте сообщить о себе: имя, фамилию,
возраст, рост, вес и пр.; образование, профессии,
знание иностранных языков, круг интересов, чем
занимаетесь сейчас, чем хотите заняться, адрес,
телефон.

Настоятельно рекомендуем приложить
фотографию в самом выигрышном Вашем виде.

Деньги в конверт вкладывать не нужно.

Наш адрес: 103104, Москва, К-104, а/я 26, SCB.

а л ь м а н а х комической,
фантазмагорической
и мистификационной литературы
Б О Б О К 13 · 91

КСЮРХН

(Из коллекции Лина КАРТЕРА)

Альманах Бобок. Выпуск 13.

Главный редактор **Ив. Логинов**

Ответственный секретарь **С. Котыкало**

Технический редактор **Н. Александрова**

Художник **И. Андреева**

СОДЕРЖАНИЕ

Ташир ЛИ. Женщина-демон	3
К. А. КАДОР. Той же монетой	13
Кларк Эштон СМИТ. Свиток Марлока	22
Гари МАЙЕР. Ксюрхи	29
Джр. Вальтер ДЕВИЛЛ. В Югируте	33

Издание осуществлено совместно с советско-канадским СП «Айдия Интернейшнл»,

ТАНИТ ЛИ

ЖЕНЩИНА - ДЕМОН

Она ждала в высокой башне.

День заканчивался. Начинался другой. Она ждала.

Башня была белой, внизу, далеко-далеко, открывалось пространство меловых дюн и виднелось серое море.

Ее мир был серый, белый, в полутонах, сверкающий, без очертаний. Мир бестелесный и мир абстрактный. И она сама была белой, ее пенное платье, ее ноги, тонкие руки — все белое, как известковые холмы, разбегавшиеся по сторонам от моря. Но ее длинные волосы были красными, кроваво-красными, пурпурными, как извержение магмы из белого мрамора ее кожи. Она не смотрела на свои волосы; неосознанно она боялась их, хотя каждое утро и переплетала их в тугие косы.

Она ждала, и не так важно, почему она ждала, кого или зачем.

Она не думала о будущем, не вспоминала о прошлом. У нее не было памяти, или это только так казалось. Она наблюдала за чайками, что кружили в воздушных потоках, издавая пронзительные крики. Каждый день, в положенное время, она выходила из башни и возвращалась туда в другое положенное время, как заведенные часы.

Шло время, но время не имело для нее смысла. Это могло быть завтра или вчера, когда она увидела его.

Он приехал на побережье на рассвете верхом на золотистом коне, мужчина в золотых одеждах. Грива коня как зрелая пшеница, пурпурные поводья с золотыми колокольчиками. Он ослепил ее своим блеском. — Это был рыцарь в доспехах.

Она почувствовала оживление, когда выглянула вниз с высоты белой башни. — Этого ли человека она ждала? — Он казался крошечным, пылающим термитом, взехавшим в арку. И проснулось эхо, потом его шаги заговорили по ступеням. Она представила, что он рассматривает некоторые вещи, он подходил к ней все ближе. Она обернулась к двери, в какую он сейчас войдет. Ее сердце билось. Бездумно она подняла руки и распустила волосы...

Он стоял в дверях, разглядывая ее. Ей захотелось, чтобы он улыбнулся, тогда как взгляд его был дерзким.

— Где Голбрант? — спросил он.

Она поднесла ладонь к губам и покачала головой.

— Он, который был здесь. Прошло уже тридцать дней, как он уехал верхом в Креннок-дол. Он, у которого за плечами мир и шрам крест-накрест на лбу...

Она продолжала качать головой, а ее сердце бешено билось.

— Голбрант, — повторил он. — Мой брат по клятве, не по крови. Это ему Сестры сказали: «Берегись белой женщины, ждущей смерть на берегу моря».

Он подошел к ней, схватил ее за волосы и намотал их на свою руку, пока боль не наполнила ее череп.

— Где Голбрант? — прошипел он.

Вот как это было для нее: Его глаза показались ей летними садами. Ей захотелось вытянуть из них аллен яитарной прохлады и желтые стрелы солнца, она желала воплощения мечты, стремлений, увиденных в глазах, чтобы заполнить мрак и пустоту волей их света. Она была голодна и мучима жаждой его отраженной жизни, как рыба алчет воды, крылья птицы — воздуха. Ее глаза вдыхали и пили, как звери пьют из омета. Она тянула руки к его шее, к тяжелым доспехам, лынула к нему. Он осыпал ее проклятиями, пытаясь освободиться от ее руки и глаз, но не мог. Это было родом приятной смерти в объятиях, в пристальном взгляде. Она топила его в своих глазах и своем теле. Он плыл по течению се плоти, поток уносил его прочь, и он затерялся в блаженстве, которое она давала ему. Ни одна женщина ни до, ни после этого не могла сравниться с ее сладострастием, предназначенным только для него. Это было потрясение, вмещающее в себя океаны и первоисточники; он силился достигнуть верховья и громко кричал, чтобы прикоснуться к нему.

Вскоре его тело сияло. Он тонко посмотрел на бледное существо, извивавшееся внизу него, и понял, что жизнь его на исходе.

Усилием воли он отстранился, чтобы уберечься от страшного алчущего блеска глаз.

— Итак, то, что говорят о тебе, это правда, белая женщина, — пробормотал он в ледяном гневе. — Ты поглощаешь знания и разум взглядом и чревом. Да, я почувствовал, как они покидали меня: еще немного, и я стал бы пустым, как кость, попавшая в зубы волка. Ты также поступила с Голбрантом?

Мрачный, тусклый, погаснувший его взгляд блуждал. Она лежала на полу. Она не понимала. В темном уголке ее сознания теплилась память, слабая как сновиденье, о темноволосом мужчине на гнедом коне, с лирой за плечами, девичьим лицом и неровным крестом над глазами. Она припоминала, что также ждала его, потом он пришел, минуя длинные комнаты, поднимаясь по лестнице башни. Но он не успел уклониться и его свет и разум перешли к ней. Она посмотрела на мужчину, которым едва не овладела. Не было ни шока, ни паники, ни отвращения.

— Он умер. — Ее единственные слова.

Золотоволосый рыцарь обнажил меч, замахнулся, чтобы снести с плеч невинную голову, но не в обычаях воинов Креннок-дола было поднимать руку на женщину, каким бы сильным не являлся их гнев. Он остановился, и спустя мгновение, вложил меч в ножны.

— Живи, вампир, — сказал он. — Но никогда впредь не имей дела с мужчинами и не лишай их разума, иначе быть твоей голове на колу...

Для нее это не имело смысла; она была не совсем, не вполне человеком, людские законы и ценности находились для нее по ту сторону мира. Она молча смотрела на него, она уже любила его, потому что он сумел вырваться и больше не нуждался в ней.

Он переходил из комнаты в комнату, разыскивая своего брата Голбранта, но Голбрант упал в море с высокой башни. Волны подхватили тело, как болотные склизкие исы, чайки и хищные рыбы терзали его так, что кроме золотой лиры, теперь зеленой в морской воде, ничего не осталось от него.

Пока воин искал, женщина неотступно следовала за ним. Она не могла сказать, куда делся Голбрант, потому как не могла вспомнить. Она смотрела ему в спину, заглядывала в лицо, когда он оборачивался. Ее любовь была всепоглощающей.

Но он оттолкнул ее и сбежал вниз по ступеням башни. Во дворе оседлал коня и уехал вдоль известковых дюн по морской дороге.

Три дня она бродила по башне. Она не прибирала своих длинных, дивных волос. Она не выходила по утрам на белесое взморье. Она перестала ждать. Голбрант и другие, которые затонули, словно корабли, в ее смертельных объятиях, потеряли волю и разум в

ее чреве, в ее глазах, остались забытыми, а его, гневного воина на золотогривом коне, с узкими глазами, с льняными волосами, с ненавистным его уходом, она помнила.

На четвертый день, спустившись по лестнице, она вышла из башни и двинулась по приморской дороге вслед за ним. Раньше не было желаний даже выйти на свет, теперь появилась нужда.

Ветер разогнал серые тучи, солнце и ее развевающиеся волосы были двумя яркими пятнами пурпура в той бесцветной земле, которую она оставляла.

Несколько дней пути изменили краски местности. Взамен белого пришли черные. По темному небу катили грозовые тучи. Ее ноги покраснели, острые края камней впивались в них, подобно змеям. Она была одной из тех, кто не нуждается в отдыхе и потому шла, не останавливаясь день и ночь. Она держалась следов, оставленных копытами коня; иногда они пропадали. То тут, то там она находила клочья его плаща, вырванные, должно быть, кустами ежевики, или подходила к остывшей золе костровища, погружала в нее пальцы и пробовала пепел кончиком языка.

Над головой светила луна, казавшаяся почти прозрачной. У воды, над голубоватым костром хлопотала старая ведьма, помешивая варево в закопченном котле смерти. Она куталась во что-то черное, отчего были видны лишь точки глаз и тощие костлявые руки. Заметив белую женщину, она закричала:

— В Креннок-дол ведет эта дорога!

Затем колдунья бросила свое варево, поднялась к ней на берег и ткнула руку в воду.

— Нет пути для тебя на ту сторону. Мост разрушен. Он знал, что ты пойдешь за ним. Он испугал. Я дала ему амулет, который не принесет добра. Взгляни на себя, алчущую! Это ли есть твоя любовь?! Разве не ты лишила жизни его сводного брата Голбранта? — Старуха мрачно хихикнула.

Но белая женщина брела вдоль берега, отыскивая место для переправы. И оно там было, видное всякому, только не ей. Колдунья побежала за ней, подпрыгивая как горный козел, и черные рожки на ее голове недвусмысленно указывали на ее происхождение. Колдунья коснулась плеча белой женщины.

— Ты хотя бы знаешь его имя? Коли не боишься, ступай в воду, река вынесет. Долгие поиски у тебя впереди, но когда найдешь его, он будет твоим. Только помни о цене, которую он заплатит за это. Он лишится разума, хотя что тебе до того — ты ведь убережешь его от высоких скал и гибели. Словно младенец и мужчина в одном человеке, и так всегда, на веки вечные.

Она слушала. На краю обрыва колдунья прошептала:
— Если выпустишь его, станешь прахом. Помни! — и толкнула ее вниз к воде. Белая женщина не чувствовала страха. Волосы и платье держали ее на поверхности воды. Река несла всю ночь под голубым куполом звезд, река влекла ее между холмами серебряной питью, а ближе к рассвету выбросила на берег.

Наутро шесть или семь рыбаков ее нашли. Они решили, что она самоубийца, и истово крестились, пока один из них бегал за священником; затем она очнулась и кинулась прочь от них...

Земли Крешнока — это земли живого оазиса между мертвыми пустошами севера, юга, запада и востока. На вершине зеленого холма стоит дом короля. Двести мраморных колонн поддерживают кровлю в огромной королевской зале. Повсюду журчат фонтаны. Деревья ломаются от круглых плодов, зреющих под желтым небом. Это место называют Крешнок-долом. В больших бронзовых воротах висит колокол величиной с доброго воина, а его язык размером с девочку лет десяти.

Она не собиралась звонить в колокол, для этого был нужен высокий мужчина на рослом коне. Она стала бить руками и ногами по бронзовой обшивке двери.

В королевстве существовал закон, согласно какому, путника, пришедшего в поисках милости, справедливости или с какой иной просьбой, король, по крайней мере, выслушивал его. Поэтому вышедший на стук привратник впустил ее, и был удивлен мокрыми волосами и платьем, оставляющим за собой след черных речных водорослей.

Она поднялась по широкой лестнице в зал с колоннами. Король и его воины недавно вернувшись с заутрени, закусывали и выпивали. Сам король восседал в высоком золоченом кресле, как сидел здесь и три дня назад, когда в зал вошел воин, примчавшийся со стороны моря. Король поднялся тогда, чтобы приветствовать его — он любил этого воина несколько больше остальных, хотя, возможно, теперь предпочел бы увидеть Голбранта вместо Алондора, кто стоял перед ним, и которого женщины за глаза называли Золотым.

Алондор отстранился от владыки.

— На мне лежит проклятие, — сказал он. — Не дай Бог, я передам его вам, как заразу.

Он рассказал королю о гибели Голбранта. Он напомнил о Сестрах, пяти темных ворожеях, за пять месяцев до гибели Голбранта явились в Крешнок-дол поведать пророчество о смерти пяти вои-

нов. Когда он говорил о женщине в башне и о том, что с ней сделал, его лицо заливала краска стыда. Позже он исповедался у священника. Священник долго молился за Алондора.

...Она за ним. Шла безжалостная зима, со своим холодным белым желанием. Окажись Алондор снова в ее объятиях, у него не достало бы сил бежать. Победенная, она заманит его в ловушку, лишит разума и жизни: такова мрачная магия сексуального вампиризма, древнейшего и наиболее ужасного из всех проявлений демонов в мире.

За день до ее прихода Алондор поспешно скрылся из Креннок-дола.

Она стояла в королевском зале, и искала его глазами, а ее сердце неистово билось. Она увидела, что его нет. Затем, забыв о боли, помятуя только о нем, она повернулась, чтобы выйти из королевского дома той же дорогой, что и вошла.

Король и трое подоспевших воинов встали у нее на пути. Они подняли мечи, чтобы свершилось возмездие, но снова старый pozor сковал их руки. — Они никогда не убивали женщины. — Она молча прошла мимо воинов и короля.

— Идите за ней! — воскликнул король. — Сделайте то, что должен был сделать Алондор. Помните, она не женщина!

Воины выбежали за ней из залы. На лестнице один из них заглянул ей в лицо и отпрянул в ужасе; ничего не смог сделать. Другой — настиг ее на нижних ступенях, обошел, замахнулся мечом, но в последнее мгновение она показалась ему жалкой бедной умалишенной.

«Здесь какая-то ошибка!» — вскрикнул воин и пропустил женщину.

Третий кинулся к лошади и помчался за женщиной. Воину показалось, что он на охоте; он слышал призывный лай собак и видел мельканье белоснежной лани, скачущей вниз с зеленого холма. Подъехав достаточно близко, воин поднял ее на коня и, держа одной рукой безвольное тело, повернул поводья к лесу. Там он опустился на землю и бросился поверх нее, сраженный внезапным испугом. Мечом, которым воин боролся с жертвой, был пенис, и вскоре она выскользнула из-под него, а днем позже королевские слуги нашли бесноватого сумасшедшего, зовущего охотничьих псов между деревьями...

Она шла около года. Весь год Алондор бежал впереди нее. Он стал наемником, продающим свое боевое искусство королям, чьи

войны казались ему справедливыми. Но он никогда не оставался долго на одном месте. Его преследовали сны, полные страха и вождения, и в них был его брат Голбрант.

Сменялись времена года. Алые листья застревают в ее волосах, падали под ее покрытые рубцами, натруженные ноги, осыпали поля сражений, по которым он проезжал. Выпал и сошел снег, кончился период дождей и промозглых туманов. За землю Кренюка, в серой безжизненной пустыне, с чахлыми ползущими деревцами — он бежал; она догоняла, ведомая чутьем и желанием, видя и слыша только его.

В бесплодных равнинах севера он достиг, наконец, владений отшельника короля, чье жилище было темным и мрачным, как скалы вокруг него. Он постучался в ворота, ослабший от ран, полученных в сражениях. Он по-прежнему имел ту же внешность, мужчины, на которого смотрят, но в его золотых волосах уже заблестали серебристые локоны, а взгляд обратился в глубину его души, как у слепого или человека, одержимого бесами. Таким было наказание за тот нанесенный им в башне удар.

В зале, где плясали тени от факелов, Алондор разговаривал с хозяином замка, когда появился звенящий шум и вошел в его голову. Краем глаза воин увидел бледную тень, открывавшую двери. Узкое белое лицо на беленых плечах и кроваво-красная плесень, обрамлявшая шею. Он решил, что она нашла его. С ним случилось нечто вроде обморока, который есть последний приют перед смертью.

Но в дверях была не та женщина, о ком он думал. То заглядывала дочь хозяина Сандра, накинувшая поверх головы пурпурную шаль. Она была хороша, как икона. Кожа мраморно-белая, а алые губы и темные волосы, как у Голбранта, когда он с лирой за спиной возвращался в Кренюк-дол. Сандра, и в правду, могла оказаться сестрою Голбранта, ибо имела с ним поразительное сходство, хотя ничего и не знала о войнах с поросших зеленью холмов. Она практиковала свой собственный способ ожидания. И когда Сандра увидела Алондора с кошмарами в глазах, она тоже почувствовала возбуждение. Если бы он надумал в то время завоевать ее любовь, он не нашел бы ничего лучшего, как рухнуть подкопленным в нескольких ярдах от ее ног.

Она взяла на себя роль заботиться о нем, и до самого конца не находила свой труд утомительным. Открыв глаза и увидев ее, он ощутил, как жизнь возвращается к нему новой ненаписанной страницей.

Любовь между ними росла также быстро, как растет ребенок.

Наступила весна, и одна из ночей застала их вместе в его спальне. Сандра принесла с собой свежесть, но Алондор уже знал блаженство демонов, и его умиляло то, что с Сандрой наслаждение не казалось столь нестерпимым...

Ближе к рассвету Алондор поцеловал Сандру и сказал:

— Завтра, Шани, я покину тебя, я должен уйти отсюда.

Ее глаза наполнились слезами.

— Нет, — с грустью улыбнулся он, — не поэтому. На мне проклятие. За мной гонятся. Если я останусь...

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет! — Что за дар любви от меня твоей сладости, Сандра, если я обреку тебя странствовать бездомной моими путями? — Лицо Алондора побледнело и он с трудом выдавил из себя. — Я пойду...

Да, Сандра была нежной, но это несколько не мешало ей быть сильной, как и всякой девочке из северных земель. Она схватила Алондора за руку и потребовала от него всей правды, настаивая снова и снова, пока он не отторг ее и не рассказал всего...

— Пусть она приходит, — прошептала Сандра. Ее глаза загорелись.

Он слишком устал. Год отнял у него все силы. Он остался, ибо женская защита показалась ему надежней, чем любой меч или щит в далеком мире.

Шли дни. Зиму сменила весна. Птицы вили гнезда на уступах скал и кровлях жилищ. Алондор поступил на службу к хозяину. Он сражался за него и вернулся с головами убитых. Пир в его честь затянулся до ночи, но несмотря на вино и мясо, он чувствовал в себе усиливавшийся озноб.

Алондор ходил из угла в угол запертой комнаты. Сандра спала. Луна цвета пожелтевшей кости явилась поздно. Он смотрел вдоль мощеной дороги и видел нечто белое, стоявшее там, с развевающимися за спиной пурпурными волосами, с длинными топкими руками. Она не изменила одежду; ее белое платье висело на ней клочьями савана, ноги были покрыты рубцами. Ее лицо было обращено вверх в звериной тоске; ее глаза, как омут, отражали один его образ. Ее любовь оставалась всепоглощающей. Она съела бы его, если бы смогла.

Алондор преклонил колени и начал шептать молитву, но вместо слов ему на ум шел только образ белой женщины.

Она перешла дорогу. Алондор видел, как женщина ступает в ворота подобно белому дыму. Он слышал ее шаги по ступеням.

Отворилась дверь...

Сандра проснулась и села на постели. Она посмотрела на Алондора застывшего в молитве; слова к богу все тише и тише слетали с его губ.

Сандра ощутила ужас — Та была здесь.

В это мгновение он поднялся на ноги. Молитва разом иссякла. Перед ней был человек, лишившийся всего — за исключением той единственной вещи, которая звала и притягивала его. Будто робот Алондор повернулся, пересек комнату и вышел. Он шел бодро. Алчущий и заколдованный чарами белой женщины, Алондор бездумно шел к ней, ждущей его внизу лестницы.

Когда он шагнул на ступени, Сандра вскочила с постели. Если Алондор выглядел загоревшимся и оживленным, то она казалась его смертью. Сандра схватила меч, оставленный им, и пошла, дрожа, крадучись, как кошка вслед за ним.

Она, женщина из высокой башни на морском берегу, была в доме. Она ждала в коридоре, чувствуя, что сейчас он, наконец, придет к ней. Ее сердце колотилось. Она подняла руки, чтобы распустить волосы, но найдя их свободными, опустила руки. Ей казалось, что она в башне, хотя это не имело значения для нее. Ей чудилось, что она слышит гул моря, несущего волны на взморье; возможно, это была пульсация ее собственной крови, страсть тела, выплеснувшаяся наружу. Вскрикнула чайка, но еще оставалась ступенька под его ногой. Он повернул за угол и открылся для нее. Тепло и радость наполнили ее, как пустой сосуд, которым она была. Она протянула руки, и он вновь пожелал войти в нее. Он забыл.

Но Сандра уже стояла позади него, держа в руках меч. Она также обладала знанием древнейших способов безотказной магии. И в тот миг, когда Алондор шагнул навстречу своей смерти, Сандра встала между ними. Она подняла тяжелый меч и взмахнула им, словно он был сухим стеблем травы. Она ничего не знала о войнах Креннок-дола, о рыцарстве мужчин, не причинявших зла существу, имеющему грудь и лоно, существу, которое они называли женщиной. За все, что она считала для себя дорогим и священным, она нанесла лишь страстный удар. То, что почувствовала женщина с берега моря, было долгой бесцветной болью, затем долгой пурпурной. Ее голова упала с плеч, но ее агония длилась многие века. По пришествии этой вечности она легла оглушенная, бессловесная, ослепленная, расчлененная... Она узнала, что значит быть сонмом разрозненных частиц, и в то же время оставаться целой.

Сандра в страхе отступила за спину Алондора, и он поддержал ее, пробуждаясь после транса. В эту минуту она превратилась Голбрантом, его клятвенным братом, который поднялся живым со дна моря, темноволосый, с золотой лирой за плечами, и нанес свой знаменитый удар, какой и не подумал применить в башне. Таким образом, Сандра окончательно завоевала его любовь.

Они держались вместе, а белая женщина чувствовала себя в стороне лепестками раскрывшейся розы. Она просыпалась на их лица, словно белая пудра. Она стала прахом, как обещал ей сам сатана в облике ведьмы в голубом лунном свете.

Пыль кружилась. Крупницы рассеивались на частицы, миллионы становились миллионами миллионов. Вскоре она уже была певидимой для глаз.

Однако, она сознавала. В каждой клеточке, в каждом ничтожном атоме ее голод продолжался и упорствовал.

Теперь она была рассыпана в пространстве, бесконечное множество мест притягивало и отбрасывало ее. Она оказалась во всем, ее голод повсюду.

Много позже Алондор и Сандра станут прахом, но они не развеются как она по миру. У нее нет имени. Она в каждом движении, сновидении, мысли. Она все и ничто. Она по-прежнему ждет и будет ждать вечность на каждой пяди земли.

Незнакомцы приходят, поднимаются и спускаются невредимые по ступеням белой башни. Чайки строят гнезда в развалинах. В один из дней каждый камень обрушится мелкими камешками на всем протяжении известковых дюн. Однажды также рухнут скалы. После них, земля. Море отступит и истощится, небо упадет, а звезды исчезнут. И в этом окончательном или промежуточном мраке она останется. По-прежнему ожидая.

Жаль ее.

Перевод с английского — Карина Пилюян

К. А. КАДОР

ТОЙ ЖЕ МОНЕТОЙ

Человек в черной рясе с капюшоном бесшумно двигался по людной площади Королевской Милости. Миновав Помост для Экзекуции в ее центре, он остановился у Храма Семи Вилний, называемого в народе Домом Гнева, чтобы отыскать глазами нужного ему мужчину, затем вошел в бронзовые двери храма, с изображенным на них тысячеликим кошмаром, бросив на ходу маленький черный камешек в протянутую чашу нищего, и смешался с разпоязычной толпой, в то время как традиционные слова попросайки: «Будьте благословенны, лорд», — обернулись потоком фантастических ругательств, когда тот увидел, что же явилось прибавлением в его чаше. Нищий вынул камень с брезгливым желанием отбросить его немедленно прочь, но замешкался, разглядывая черную зеркальную поверхность — такие не встречались возле города Кхороса. В это мгновение внезапный шум отвлек его внимание, он выпустил странный камешек на землю и вернулся к своему занятию, забыв думать о даре и о незнакомце в рясе.

Шем, нищий, шел по безлюдной пустыне. Солнце висело у него над головой, черные камни на поверхности долины раскалились, причиняя боль его мозолистым ступням. Горячий воздух мучительно входил в легкие. Впереди, насколько хватало глаз, не было видно ни одной живой твари, исключая его самого, — ни тени движения, могущего означать ящерицу, ни обычных для пустыни колючих растений.

Вдобавок ко всему, он все же чувствовал на себе испрядный испытующий взгляд, имеющий оттенок вкрадчивого ожидания и злорадства. И мерзость заключалась в том, что Шем не имел ни малейшего желания находиться здесь, его естество отчаянно боролось против принуждения, толкавшего идти по пустынной долине, отчего он горячо молился своим богам.

Шем, нищий, проснулся от собственного крика, прямой как стрела, на провонявшем потом соломенном тюфяке и просидел, не смыкая глаз, до самого утра.

Боаз брлся в заведении Ниссана — цирюльника. Темные круги под глазами и измученный взгляд выдавали болезненность лица, с резким контрастом выражающим наемного убийцу.

...С того времени, как Шем рассказал свой сон, меня начали мучить те же кошмары. Но прошлой ночью мне удалось пройти долину, я проснулся возле двух больших неподвижных камней. Поистине, это дьявольское место. Похоже, незаконнорожденный сын Ерлика наложил на меня проклятие!

Ниссан улыбнулся и сказал:

— Всемогущий Боаз убоился сна! Хогя, — добавил он быстро, увидев гневный взгляд клиента, — подобный сон может напугать каждого. Мой совет, иди в Дом Наслаждения Шайн и наполни себя вином и женщиной. Держу пари, там ты забудешь свой нездоровый сон довольно быстро.

Боаз ухмыльнулся и приподнял ногу.

— Возможно, возможно. Но посмотри сюда.

Его ноги были испещрены порезами, одни начали заживать, другие казались свежими и кровоточили.

Несколькими днями позже Ниссан, цирюльник, стал весьма испуганным человеком. Заметно прихрамывая, он дошел до Площади Королевской Милости, свернул к Храму Анахиты, речной богини, которая покровительствовала его клану, и уединился с приходским священником.

...Итак, я прошел между двух исполнских камней, о которых говорил Боаз, и оказался в долине, очень похожей на первую, если бы не кольцо ограничивающих ее скал. На дальнем конце я увидел полукружье неподвижных камней на подходе к огромному утесу. Монсеньор, вы должны помочь мне. Представьте ваше собственное тело, движущееся помимо вашей воли... и каждую ночь становится все хуже. Не мне бороться со снами. Я не молод, здоровье мое пошатнулось, к тому же это... — сказал он, поднимая изуродованную ожогами и порезами ногу.

Священник в страхе отшатнулся.

— Вне всяких сомнений, это не обычный сон, это дело рук некроманта. Не держит ли этот Боаз за что-нибудь зуб на тебя?

— Нет, монсеньор. Он один из наемников Барглока, который взимает десятину с заработков нищих, карманных и храмовых воров... — Он замаялся в смущении, потом начал снова. — Уже два

года Боаз приходит ко мне каждую неделю, чтобы побриться. За это время я не причинил ему иного зла, разве только случайно порезал.

— Подожди здесь, — велел священник. Через минуту он вернулся, держа в руках амулет и палочку. С помощью последней он начертил вокруг цирюльника, непрерывно взывая к силе Анахиты, и трижды окропил его водой из наконечника. Затем он повязал амулет на шею цирюльника и произнес:

— Возьми и носи, не снимая. Это священный талисман, благославлен самим Первосвященником. На нем выгравированы три магических символа защиты. С ним ты будешь в безопасности. Богиня удовлетворится приношением двадцати зардов.

Ниссан настоял на тридцати; священник безмолвно взирал на это указание, как на воистину великий страх цирюльника, что священнику помешало положить в карман десятью зардами больше, по мимо тех пяти, которые он заработал.

Выйдя из храма, Ниссан облегченно вздохнул. Он почувствовал себя настолько обновленным, что остановился у Помоста для Экзекуции поглазеть в толпе зевак на Королевскую Милость.

Когда сон не вернулся, Ниссан принялся возносить хвалу Анахите и ее священникам, наполняя патетическими гимнами уши своих клентов, и даже не требовал с храма платы за новообращенцев.

Меж тем, Шаман, священник, не ликовал. На четвертый день, будучи, во внезапном и небывалом порыве религиозности, он решил, что Богиня прокляла его за присвоение тех десяти зардов и вознамерился исповедаться у Гуден, главного служителя культа.

Шаман вошел в роскошные покои Гуден, тот поднял глаза от стола, вырезанного из монолитного куска малахита и сказал скучным голосом:

— Мне сказали, что ты хочешь исповедаться в грехе. Согрешил ли ты против Богини?

— Да.

— Каким образом?

— Я утаил от казны десять зардов, полученные сверх положенной платы. Богиня разгневалась на меня.

— Довольно. Проклятие положено между тобой и Богами. Верни двадцать зардов Храму, прими мира с Богами иними проклятие у священников Дома Гнева.

— Повинуюсь, Отец мой.

С внутренним трепетом Шамаш приблизился к Храму Семи Вилний, который в народе называли Домом Гнева. Он всегда недолюбливал это место из-за толпы нищих окружавших храм, словно мухи, прекрасно понимая, что тот, кто идет обрести мир с властителями божественного гнева, будет щедрее обычного, надеясь смягчить милостыней ярость богов.

Проявив уважение к чину священника Анахиты, Шамаша не заставили ждать, а сразу провели на заднюю половину поразмышлять о грехе перед внушающими страх лицами Вилний, чьи гигантские статуи возвышались над алтарем в ужасающем блеске — каждая имела по восемь рук, в которых держала кнуты, мечи, ножи, стрелы бубонной чумы, отрубленные головы и орудия пыток. За спинами богинь виднелись сложенные крылья неопырей. Одна из голов принадлежала тигру, другая — орлу, грифу, собаке, медведю, коршуну, дракону.

Спустя надлежащее время, Шамаша препроводили в крохотную келью, где ждал один из семи священников храма.

— Не часто священник жалуется к нам, чтобы снять проклятие Вилний со своих плеч, — сказал и мрачно улыбнулся хозяин кельи. — Против какого бога согрешили и не пытались ли предпринять какие-нибудь действия?

Шамаш объяснил суть своего проступка и рассказал о возмещении, которое сделал.

— Так, хорошо. Теперь опишите проклятие.

— Это со... — начал Шамаш, живописуя с сильным чувством. — Мне трудно передать страх, который я испытывал в полукружье неподвижных камней. Но я знаю, что если не избавлюсь от проклятия, то войду в пещеру в скале и уже никогда не вернусь отсюда. Монсеньор, мне неизвестно, кто обитает в пещере, но это исчадие дьявола и ужаса.

— Так. Надеюсь в будущем вы остережетесь обкрадывать богов. Они пекутся о своей собственности. Подойдите к прислужнику у жертвенника нечистой силе и предложите ему вену правой руки, после этого наполните кубок кровью, сожгите ее, смешав с ладаном перед ликами Вилний. Потом вы свершите приношение храму в размере двадцати зардов. Проклятие исчезнет, когда сгорит кровь.

Той ночью Шамаш, священник, спал сном младенца, и впоследствии слыл самым благочестивым человеком — в течение целого месяца.

Задок, Священник Детей Гнева, шел по земле огня. Его подошвы обжигали черные камни, нежные пятки были изрезаны,

отчего он оставлял за собой кровавые следы. Тяжелые удары солища, висевшего над его головой, казались нескончаемой пыткой. Он шел так целую вечность.

Спустя каждый шаг, Задок пытался остановиться, повернуться и бежать прочь. Но его тело влекла иная, не подвластная ему сила. Всей кожей он ощущал присутствие злорадствующего невидимого наблюдателя, и что самое худшее — он чувствовал его голод.

Когда Задок достиг гряды неподвижных камней, неумолимо притянутый к квадрату, зияющему в скале, словно пелена упала с его глаз. Он увидел, что каждый камень имел отвратительные богохульные очертания, почти человеческие контуры, но черные и сверкающие, как куски обсидана, с отвислыми ушами, острыми, выпирающими из ртов клыками, рванными когтями на руках, которые доходили у них до коленей, и лишенными волос хвостами, являвшимися продолжением их тел. Он слышал непристойное хихиканье и музыку, какую некоторые из них играли на продолговатых флейтах, вырезанных из человеческих бедренных костей.

Когда Задок с трудом оторвал взгляд от этого отвратительного зрелища, он увидел перед собой не скалу, а огромный дворец, старый... старый, покрытый изображениями множества неописуемых существ тысяч различных форм, что двигались в бесконечной процессии, поклонялись неведомым богам, танцевали и... пожирали.

Он сделал шаг... другой... и оказался в громадных воротах. Задок испытывал на себе взгляды тысяч невидимых глаз, улавливал скольжение, шорохи и вздохи, и в какой-то момент шипящий голос, который заставил его на миг замереть у изображений неких ищерепоподобных существ, выходящих по фасаду замка.

Шаг за шагом Задок шел вглубь черного коридора по направлению к массивным бронзовым дверям, за которыми было... — что? — Он знал лишь что оно было хозяином мира и предпочел бы послужить людоедским склонностям существ, которых уже видел, прежде чем войти в эти двери.

Задок, священник, проснулся, на его душераздирающие, полные ужаса крики со всех сторон сбежались храмовые служки. Он выпил вина из кувшина, что стоял рядом с постелью, и с нескрываемым отвращением взглянул на выверенные пентаграммы, начерченные на полу серебром, кровью и мукой, смолотой из зерен священных злаков, растущих на полях Матери Хлеба; на свечи красные, черные и зеленые; курильницы, испускающие струйки фиама; на Имена и Знаки; Печати Семерых, чьим слугой он яв-

лялся; на Четыре Великих Печати Защиты; — и долго ругался, витиевато ругался.

Почтенный Задок был выше чином простого священника — он был колдуном, сведущим во всех областях знания; однако любая защита, которую он мог изобрести, любая попытка разрушить проклятие, оказались бессильны. Его власть послужила ему лишь для того, чтобы получить намек на тайну, сокрытую для других, не не столь одаренных. Он понял, когда пристально вглядывался в бесполезные теперь орудия своего ремесла, что остается лишь один путь для спасения...

В тот день немало людей приходило к священнику Задок. Каждому он пытался рассказать свой сон в надежде, что ночные кошмары и их гибельность отойдут от него. Но язык оказывался словно заключенным во рту, когда Задок приближался к сути...

На следующий день, священник встретил Пороса, лавочника, богатейшего человека из Кхороса, частого посетителя Дома Гнева. Порос поразился состоянию Задок, едва передвигавшего ноги, что неуместно для человека, проживающего в стенах храма; его лицо и руки обожженные до красна солнцем.

— Что ты желаешь, сын мой? — устало произнес священник. — Снова грех из-за твоей жены, которую ты медленно свел в могилу, застав ее с любовником?

— Нет. — Потупился Порос. — Многие грешат этим. Сейчас меня волнует другое.

— Тогда тот, кого, будучи молодым, ты оставил умирать в пустыне, хотя он спас тебя от грабителей в Залите?

— Да, священник. Больше того. Я боюсь. Счастье слишком долго улыбалось мне. Не прошло и месяца, как я бросил в пустыне рубин, лучший камень из моей коллекции, чтобы разрушить цепь зла и восстановить равновесие. И вот прошлой ночью он вернулся ко мне в брюхе дикого козла, которого я велел слугам зажарить к ужину.

— Воистину, Боги не терпят насмешек и не покушаются на дешевые трюки. — Язык священника молотл помимо воли. — Чему быть, того не миновать, — усмехнулся он и выложил опешившему лавочнику все четыре своих кошмарных сна. Того словно парализовало. Он сидел не в силах шевелиться, а священник закончил рассказ и вышел вон, и никогда больше Задок не тревожили страшные сны.

Меж тем, существует крайняя необходимость рассказать о состоянии Пороса, лавочника, по прошествии нескольких дней.

В глубине своего сердца Порос не был плохим человеком. Правда, он отравил и ограбил того, кто спас его от грабителей в погребке Залита; он оставил жертву умирать в пустыне от жажды, причем процедура смерти ускорялась присутствием грифов, всегда готовых помочь, и не склонных ждать всех признаков конца, чтобы начать свой ужин.

Однако Порос похитил драгоценные камни, какие отравленный нес, чтобы добиться руки прекрасной Барайилы — он должен был быть богатым в действительности, очень богатым человеком — так решил ее отец. Он смог убедить себя, к тому же он был влюблен, а разве не все вещи забываются в страданиях любви? И самое главное — кто, если не первая красавица Кхороса, а, следовательно, и всего мира была достойна стать его женой.

Правда, Порос убил и прекрасную Барайилу, медленно, со множеством мучений, так что она взмолилась о смерти задолго до того, как приняла ее. Но разве не смерть, которую он дал ей в итоге, есть самый великодушный акт милости? — После всех измен Барайилы. — Итак, она умерла в страданиях за ту боль, какую причиняла Поросу, в муках, не став самым прекрасным бриллиантом в его сокровищнице. Это Порос начал понимать только теперь.

Порос знал, что любим своими рабами — их никогда не били; раб в снйяках не достоин называться его собственностью. Он заботился о том, чтобы каждый достиг совершенства. Холостой, к примеру, юноша Нэт был кастрирован, чтобы не утратить совершенства голоса, столь высокого и благозвучного. Случалось, правда, что рабы не оправдывали его ожиданий по причине упрямства, тяги к скандалам или внешнего уродства — такие рабы продавались нередко тем, кто использовал их для работы на рудниках. Порос хорошо обращался со своим имуществом до тех пор, пока оно не вызывало его недовольства...

Между тем, Порос обнаружил одну специфическую особенность — как ни старался, он не мог никому описать свои сны. Но старейши Порос еще больше, он сказал бы лишь то, что они были ужасными.

В отчаянии он послал слугу в некий дом, располагавшийся в не очень почтенной части города, и тот привел к нему потрепанную фигуру Назикханда, колдуна. В стремительном потоке слов Порос выслушал на колдуна рассказ, полный горечи и страха, но его речь то и дело прерывалась, когда он приближался к сути.

— Для меня происшедшее очевидно, Порос. Это не случайное явление. Сон послан тебе каким-то врагом, чародеем большой си-

лы. Рано или поздно тебя ожидает смерть, или нечто большее, чем смерть, если его сила не будет сломлена.

Лавочник затрясся.

— Я знаю это довольно хорошо. Но можно ли что-то сделать?

— Вероятно. Для начала я должен найти первопричину. Но расходы будут большими — настолько большими, насколько велика опасность, которая тебе угрожает. Ты ведь знаешь, что я не умирающий с голода уличный колдун, чтобы разменивать мой талант ради нескольких медяков. Да и твое дело для меня небезопасно. А если мне и нравится гулять со сводниками больше, чем с принцами, и носить лохмотья вместо бархата, то запомни, это только моя забота.

— Я заплачу. Скажи моему дворецкому, пусть он даст тебе все, что ты захочешь. Вот, — добавил он, снимая перстень с пальца, — Дай ему это. И ответь теперь, как я могу быть спасен?

— Я уже говорил, что должен найти истоки сна и отправить его по пути, по которому он шествовал, пока не вернется к тому, кто его послал. Тогда, если я найду силы сделать так много, он испытает судьбу, которую предназначал тебе. Я начну с Задок, священника Храма Семи Вилний.

В действительности, Назикхард начал с получения весьма кругленькой суммы в золоте и драгоценных камнях от дворецкого богача Пороса.

Это было работой последующих дней и ночей восстановить движение сна от Задок к Шамашу, найти Шамаша в доме терпимости, провести сон от него к Ниссану, от Ниссана к Боазу и от последнего к Шему. Немало часов было потрачено на поиски Шема, который отсутствовал на своем месте у дверей Храма Семи Вилний, в простонародье Дома Гисва, с тех пор, как имел непредвиденную стычку с Боазом и его кинжалом.

Узнав, что если он хочет найти Шема, его надо искать не на квартире Езы, его бывшей хозяйки, а в доме Мркала, называемом Домом Смерти, Назикхард вернулся к себе в логово и свершил ряд заклинаний, направленных на вызывание духов умерших. Вскоре он был вознагражден тонким, подобным свирели голосом того, кто когда-то был Шемом, нищим.

Долгой была борьба, но, наконец, ему удалось заставить того, кто когда-то звался Шемом, войти в маленькую бутылку и скрепить ее печатью, не доступной для мертвого, ибо это была печать Жизни. Прихватив с собой бутылку, он направился в дом богача Пороса, чтобы передать сон плененному духу, и через него тому, кто наложил проклятие на нищего.

Приблизившись к дому Пороса, Назикхард увидел распахнутые, никем не охраняемые двери; войдя внутрь, он обнаружил полы, заваленные дорогими товарами, и предположил, что рабы разбежались, предварительно разграбив дом.

Наконец, Назикхард достиг комнаты Пороса, втуне страшась того, что найдет за дверью. Случилось то, чего он опасался, ибо там, распластавшись на постели, лежало сочащееся кровью, обезглавленное тело, и каждая его косточка была расщеплена до костного мозга.

Назикхард печально покачал головой, выпуская того, кто был в бутылке, и отправился домой, попутно прихватив несколько ценных вещичек с разгромленных прилавков в лавке богача Пороса.

Человек, завернутый в плащ в укромном углу таверны в Залите, улыбнулся.

Перевод с английского — Карина Пилюян

СВИТОК МАРЛОКА

Шаман Йехемог, подавленный черствым отказом своих собратьев Вурмитов избрать его главным жрецом, серьезно подумывал уйти из родовых нор примитивного мехового племени и уединиться в ледяных скалах севера; области, не посещаемой его робким, живущим под землей народцем.

Семь раз он предлагал свою кандидатуру на обладание заветным головным убором из черного огового дерева, завершавшимся легендарными суусимовыми перьями, и в седьмой раз старейшины несправедливо отказали ему в том, что он считал наградой, трижды заслуженной его благочестием и суровым аскетизмом. После мого исчезновения, клялся отверженный шаман, у них не будет восьмой возможности пренебречь именем Йехемога в вопросе о даровании странной иерархической власти, и уже не сомневался, что вскоре они раскаются в своем выборе жалкого святоши взамен единственного ревностного почитателя бога Вурмиша.

В доисторический период большинство племен Вурмитов обитало в норах, проложенных под непроходимыми дебрями горного полуострова Гиперборей, другое его название Мху Тулан. Их косматые полуживые предки воспитывались в рабстве у ощущающих человеко-змей, чей первобытный континент был расколот на части вулканическими сотрясениями и низвергнут в океаническую пучину одним или двумя зонами ранее. Спасаясь из рабских загонов своих прежних хозяев, теперь, к счастью, почти вымерших, прародители нынешних Вурмитов силой захватили эту территорию у совершенно деградировавших людоедских племен отталкивающего обличья и мерзких обычаев; немногие из них оставшиеся в живых были вытеснены на север и поселились на суровом, загроможденном ледниками Полярионе.

Позже количество Вурмитов необъяснимо сократилось, их военная доблесть выродилась до робости, угрюмые и мстительные потомки их древних врагов превратились в зловещий, многочисленный и своенравный народ. В те времена многие из Вурмитов нашли прибежище в подземных обителях, дававших им покой и защиту, и теперь моховые создания уже привыкли к укромной темноте и разлитому повсюду зловонию своих нор. Редко кто из них осмеливался выйти в верхний мир, ставший чужим под пронзительными тревожными просторами неба, освещенного нестерпимым сиянием враждебных солнц.

В размышлениях о судьбах своего племени разгневанный шаман не забывал, конечно, о предстоящих опасностях. Этот особенный регион полуострова впоследствии назовут Фенкором, самой северной провинцией Мху Тулана. В те дни, на протяжении Эоценского периода, первые настоящие люди только начинали просачиваться в Гиперборею, покидая южные районы тропиков, где климат становился слишком жарким для них, и весь Фенкор был дикой необитаемой местностью, если не считать живших под землею Вурмитов. Не без риска, знал Йехемог, ему предстояло пересечь доисторические джунгли и зловонные топи молодого континента, любимые места обитания агатовогрудных варвенов и прожорливых котоплебов, если брать в расчет только наименее грозных хищников этих мест.

Однако, как любой доисторический человек, Йехемог имел навыки простейшего шаманства и колдовства. С этим оружием он чувствовал себя спокойно и намеревался достичь Фенкорианских Гор, где мог проводить дни в относительной безопасности.

Ведя подземный образ жизни — наверно, пужно это здесь отметить — Вурмиты только подражали своему нелепому божеству, которому поклонялись с ритуалами, могущими показаться нам мерзкими и кровавыми. Как известно из мифов о вере Вурмитов, это божество, которое они называли Тзаттогуа, сделало себе жилище в лишенных света проходах, расположенных глубоко под землей, таким образом, их выбор пещерного способа существования являлся изначально символическим. Довольно рано в истории народа, Вурм Древнейший, мифологический прародитель расы, провозгласил доктрину, в которой утверждалось, что принятие на себя Вурмитами всецело подземного образа обитания дарует им в дальнейшем особую мистическую близость с их богом, который сам предпочел погрузиться в бездну под горой Н'каи на Юге, считавшейся сакральной у Вурмитов. Этот догмат преподобный Вурм обнародовал незадолго до своего ухода в глубокое ущелье, примы-

кающее к ранее упомянутой горе Н'каи, где он мог скоротать преклонные зоны вблизи объекта своего поклонения.

Старейшины рода единогласно высказали мнения об этом патриархе, как о непогрешимом, особенно в делах чисто прагматических, ибо боялись пойти вразрез с общественным верованием, согласно которому их верховный жрец и общий прародитель был рожден никем иным, как самим Тзаттогуа, во время его мимолетной связи с второстепенным женским божеством по имени Шатак. С этим основным патриархальным учением старейшины рода отчасти запоздало согласились; повиноваться последней заповеди Духовного Учителя было, помимо прочего, разумной предосторожностью, если принять во внимание тот упадок, к которому они так недавно и так внезапно привели расу.

Приняв, таким образом, твердое решение о невозможности проживать впредь в сырых и зловонных норах своего рода, и будучи сторонником радикального изменения местожительства на головокружительные пики, вздымавшиеся вдоль северных границ Феннора, шаман Йехемог обнаружил, что впадает в опасную ересь. Не в силах примирить свои личные склонности со всевозможными религиозными откровениями, наложенными мифологическим прародителем его расы, он вскоре начал безотчетно подвергать сомнению фактическую сущность учения, тенденция, которая привела в итоге к отрицанию его непогрешимости. Теперь, отвергнув, в сущности, ничего не стоящие верховные догматы, он, почитаемый раньше, как святой, перешел от самого однозного состояния ереси в прискорбный и богохульный мир атеизма.

Вот как случилось, что разочарование скисло в горькое чувство обиды, обида нагноилась в зависть, и уже зависть ядовитым бичом подтачивала и терзала корни его веры, пока жалкие лоскуты его прежних убеждений не были полностью сожраны ею. Ничего теперь не осталось в сердце Йехемога, за исключением глухой пустоты, которая стала заполняться желчью самоедающей злобы и болезненного язвительного презрения ко всему, что он считал когда-то дорогим и священным. Именно это презрение нуждалось теперь в выражении, в диком жесте предельного оскорбления, рассчитанном на то, чтобы ввергнуть старших собратьев в шоковое оцепенение и ужас. Йехемог желал размахивать своим новообретенным атеизмом, как вонючей тряпкой перед набожными рылами отцов рода.

Для начала он определил порядок действий, подходящий для его целей: сначала проникнуть в святилище Тзаттогуы и похитить оттуда свиток с описаниями неких ритуалов, относившихся к вы-

сочайшим ступеням религиозного отвращения для членов его веры. Документ был частью добычи, принесенной его победоносными предками с полей сражений против омерзительной расы, которая населяла регион во времена вторжения дикарей Вурмитов в Мху Тулан. Считалось, что пергамент хранит темнейшие секреты колдовства ненавистных Гнофексов, это имя принадлежало косматым антропофагам, которых предки Йехемога обрекли на арктическое изгнание. Но на самом деле он содержал таинственные и могущественные обряды, с помощью которых Гнофексы поклонялись своему жестокосердному божеству, ни больше ни меньше как земному воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу. В те времена оно приписывалось Марлоку, Великому Шаману.

Сами Вурмиты из своих давних малоубедительных источников считали себя избранным народом Тзаттогуы, единственного божества, которого они почитали. Тзаттогуа был земной стихией, состоявшей в непримиримой вражде с Рхан-Тегозом и всем его войском, которые относились, в принципе, к стихии воздуха и презирались такими Древними Сущностями, как Тзаттогуа, он не любил воздушной пустоты над миром и предпочитал ей мрак подземного логова. Та же обоюдная и непримиримая враждебность существовала между расами, которые были слугами Тзаттогуа (среди них Вурмиты выделялись особым усердием), и теми, кто поклонялся воплощению космической непристойности Рхан-Тегозу (к ним принадлежали нездоровые людоеды Гнофексы). Таким образом, похищение свитка Марлока повергло бы Вурмитов в панику, предчувствие ужаса, с каким они будут смотреть на эту пропажу, вызывало в Йехемогe приятную дрожь ожидания.

Свиток тысячелетиями хранился в святой святынь Тзаттогуа, вложенный в сосуд из мамонтового бивня. Положение свитка символизировало триумф Вурмитов над врагом. Чтобы украсть пергамент прежде чем покинуть грязные смрадные поры, где он провел невозможные века своей молодости, Йехемог должен был в силу необходимости первым переступить порог святыни.

Для шамана только окончившего период ученичества, столетие или два назад, нарушить неопишемую святость запретного неприкосновенного места являлось пропуском величайшей суровости. Одним своим присутствием Йехемог уже осквернял обитель, и этот акт поругания он совершил под холодным испытующим взглядом всемогущего Тзаттогуа, ибо там, помещенная навеки, стояла самая древняя статуя бога, объект всеобщего почитания и поклонения.

Сама по себе мысль о вторжении в священное место для свер-

шения подлого и презренного действия кражи со взломом в устрашающем присутствии божества, которому Йехемог когда-то поклонялся со столь чрезмерными усилиями, была огорашивающей. Однако, к счастью, для внутренней ясности Йехемога рвение, с каким он принял свой новоприобретенный атеизм, значительно превосходило был его прежней религиозной преданности. Иконоборчество закалило его сердце до несокрушимого окаменения, что презирая свои ранние безрассудства, Йехемог разуверился теперь во всех земных и сверхъестественных сущностях больше, чем раньше в них верил. Объект поклонения был только куском сработанного камня, думал он про себя, архи-мятежник Йехемог не боится изделий из камня!

Однажды ночью вероломный и атеистический Йехемог забрался в глубочайшую и сокровеннейшую святыню, посвященную Тзаттоус, предварительно навев сон на евнухов, поставленных охранять неприкосновенность места. Их тучные тела развалились на мозаичном полу перед блестящим пологом, скрывавшим внутренние пределы от случайного осквернения нечестивым глазом, и Йехемог, крадучись, прошел мимо них на босых трехпалых ногах. За блестящей тканью его глазам открылась комната, лишенная украшений. Она была пуста, если не считать идола, который являл собой изображение жирного, непотребного, похожего на жабу божества. Привыкший к неотесанным идолам, вырезанным из поздраватой лавы, неумелыми руками своих соплеменников, шаман изумился мастерству, с каким неизвестный скульптор сделал изваяние из твердого и хрупкого обсидана. Он восхищался непревзойденным искусством забытого художника, который облек приземистую жирную фигуру бога подобием гладких волос и свел воедино в его чертах все признаки жабы, летучей мыши и ленивца. Громоздкое божество было изображено с полуприкрытыми сонными глазами, которые, казалось, светились холодной ленивой злобой; безгубый разверстый оскал рта вызвал у Йехемога мысль об улыбке, хотя он больше напоминал жесткую и злорадствующую усмешку.

Его недавнее презрение к подобным существам поблекло, сменившись предательской дрожью. Мгновение он колебался, почти напуганный неестественным, словно живым видом идола, который, казалось, мог вот-вот пошевелиться и обнаружить бдительность и вполне реальную сущность. Но момент прошел без каких-либо оживлений, и тогда насмешка и отрицание всего наземного поднялись внутри него, устроившись в своей легкой уверенности.

Настало время окончательного осквернения: теперь Йехемог

метафорически отрекся от прежних убеждений и похитил из-под ног божественно святого образа его главное сокровище, пергамент, где хранились дьявольские секреты древних Гнофесов. Собравшись с духом атеистических доктрин, отбросив последние остатки суеверного ужаса, испытываемого им когда-либо к Боже-ству, Йехемог опустился на колени, взломал печать сосуда из ма-монтового бивня и извлек драгоценный сыток.

В последующее мгновение ничего абсолютно не случилось. Черная блестящая статуя осталась неподвижной; она не шевелилась, не карала Йехемога молнией или внезапной атакой про-казы. Волна облегчения коснулась его волосатой груди; он замер в ликующем иступлении. Но в следующий миг Йехемогу стало грустно, ибо только сейчас он понял степень прочной мисти-фикации, какую хранители культа училили над ним. Так вводить в заблуждение невинных юнцов Вурмитов, что их самым завет-ным стремлением становилась мечта о головном уборе иерофанта, было действием изысканнейше извращенного порядка, и мысль об этом возбудила в нем страсть осквернить и поругать, с невин-данной доселе силой богохульства эти священные предсмы.

Перед тем, как покинуть навеки сырые и грязные поры для поисков новой уединенной жизни среди болотных миазмов и са-говниковых джунглей верхней земли, он решил совершить пору-гание, столь непоправимое, чтобы испачкать, развратить и раст-лить на все времена, которые придут в цитадель этой лживой и жестоко увековеченной религии. В каждой своей лапе Йехемог держал истинное орудие триумфального мщения, оскверняя храм Тзаттогуы, если только не распевать перед его древним изваяни-ем, внутри его самого священного места, отвратительные литургии, которые прежде служили врагам его любимого народа для про-славления их непристойного зверского божества, его противника?

Искаженное яростью лицо, клокотавшей в нем, Йехемог развер-нул древний пергамент и, напрягая маленькие глазки, припался читать письма. Ему удалось установить их значения. Черное знание Гнофесов сводилось, в сущности, к прославлению и задаб-риванию их скверного божества. Несколько раньше шаман на-шел ритуал заклинательного культа, показавшийся ему исключи-тельно обидным для Тзаттогуы и его самообманывающихся слуг. Ритуал начинался резкой диковинной фразой: «УЗА-ЙЕИ! УЗА-ЙЕИ! Й'КАА ХАА БХО-ИИ», — и заканчивался серией безумных продолжительных завываний Вурмитов. Однако стоило Йехемогу прочесть литургические формулы вслух, как он заметил легкость произношения. К концу ритуала, шаман обнаружил, что его го-

лос глухой и дребезжащий, достиг необычайной и даже беспокойной музыкальности, а маленькие уши начали расти и теперь были не лишены сходства с хлопающими ушами уродов Гнофесов. Глаза также претерпели изменения и, казалось, вылезали из орбит... Закончив последнее бесконечное завывание, шаман бросил Свиток Марлока. Он с ужасом рассматривал себя. Его гладкая миловидная кожа исчезла, взамен нее появилась густая поросль всклокоченных волос. Рыло, помимо прочего, расширилось и вышло за пределы, считавшиеся красивыми у Вурмитов, и превратилось в голое хоботье образование. Йехемог истошно завыл, ибо понял, охваченный леденящей душу паникой, что слова, призывающие поклоняться, как Гнофесе, имеют при определенных обстоятельствах значение совершенно буквальное. И когда отвратительные крики шамана подняли из заколдованной дремоты грубых тяжеловесных евпухов, и те ввалились с шумом за блестящий занавес, чтобы обнаружить прокравшегося тайком Гнофеса, корчившегося на грязном волосатом брюхе, издавая кулдыкающие звуки перед улыбчивыми, загадочными и лениво-злобными глазами Тзаттогуы, они отправили вонючего гостя на тот свет. Один из них замешкался с такой анатомической подробностью, отчего наиболее подверженные тошноте читатели будут благодарны за то, что я сдерживаю свое перо от натурального описания.

Перевод с английского — Карина Нилоян

КСЮРХН

Напротив мрачного ониксового Храма Недостижимых Желаний, посвященного Луне, на улице Пантсона в Хазат-Клэге стоял длинный, невысокий, внушающий ужас дом Скаа, окруженный орсолом мифа; Скаа проживала одна в своем доме и монотонно пела, жгла бесовские свечи, творила знамения Вуриша. Но всегда находятся и те, кто не совестится общаться с ведьмами; к этой категории людей относился Тиш, чей род занятий нельзя охарактеризовать иначе, нежели грабёж.

Тиш слушал молву, распускаемую торговцами камнями, пока его тонкая удавка не заставила их замолчать навеки, о драгоценном камне, охраняемом Ночью в мифическом Мхоре. Тиш услышал о нем впервые в Целефейсе от пухлого ювелира, чью жизнь он купил вместе с этими исключительными сведениями с потрохами, но тогда не поверил предсмертному мычанию жертвы. В Ворпан Тиш был уже меньше уверен, а в Ултгарских охраняемых скорпионами магазинах он задумался, не было ли это правдой, и, наконец, в караване яков в Канарской солнечной долине дольше сомневаться не мог; торговцев рубинами, которые шли в Дилас-Лин Тиш даже не ограбил. Правду и другие относящиеся к делу материалы, он знал, можно прочесть в ветхих Древних Манускриптах, в которых записаны многие вещи, сокрытые от глаз профанов, но не желал платить Страже только за то, чтобы пролистать лиходейский талмуд. Менее рискованным ему показалось обратиться к тому, кто однажды уже заплатил за это...

В низком доме Скаа обитали призраки. Им не мешало мерцание маленькой, страшно разрисованной глиняной лампы. Тишу же не правилось как ведут себя тени, равно как и глаза Скаа, которые светились в полумраке, словно падучие звезды некой безы-

мянной бездны, и действовали на него отнюдь не успокаивающе. Тиш вошел в покосившуюся дверь, сделал то, что обычно ожидают от клиентов. За неизвестным Востоком, — пробормотала Скаа, — должна находиться огромная безмолвная долина по имени Ночь; каждый вечер она посылает четыре тени, чтобы убить обессилевшее солнце, и именно там укрываются все сны, когда солнце возвращается на рассвете. В охраняемой призраками долине (если довериться словам тех, кто изрекает любые истины тому, кто может их слышать) есть высокая башня, внутри которой сидит миф Ксюрхн, бормочет сам себе свои сны, и стережет день и ночь камень неизмеримой ценности. И нет во всем мире камня, подобного этому, ибо он сделан искусством Других Богов по просьбе безумного султана демонов Азатеза и врезан в оправу, являющую собой шутовскую смесь леквица и летучего вампира, чья мясистая голова скрывается между двух сложенных крыльев. И лучше смертному не думать о нем, ибо Другие Боги не как люди (их тонкие души привязаны к телам серебряными нитями), но если найти земное сосредоточение слабых звеньев, тогда пагубная душа Ксюрхна обратится в Черный Камень. Встреча в Ксюрхном или его душой не будет приятной да и Другие Боги обладают достаточными методами наказания. Однако известно, что священники с костистыми черепами Юты владеют талисманом, освященным ими на поклонении Н'тса-Каамбле, способным защитить посягнувшего на собственность Других Богов — Скаа описала путь к талисману. Бросив к ногам ведьмы плату в опалах, Тиш поспешил к извилистым булыжным улицам, освещенным мерцающими звездами.

Скаа открыла сумочку, куда спрятала опалы, но нашла там лишь серые голыши, ведь Тиш был с рождения вором. Она начертила узор, понятный священникам Юты, пригвоздила его ко лбу своего посыльного, который почтительно поклонился и исчез с шелестом кожаных крыльев. Затем, в темноте, Скаа указательным пальцем провела в воздухе черту над ничего не стоящими камешками, те превратились в опалы, и перестала думать о воре.

В седьмую ночь крадущаяся, в одних чулках тень прошла через третий и секретнейший погреб ненавистного монастыря, где священники справляли мессу Юте, сопровождая ее извращенными муками и молитвами...

Священники с желтыми костистыми черепами обнаружили за алтарем задушенную ведьму с тонкой удавкой на шее и пропажу талисмана с положенного места, отчего тихо рассмеялись и вернулись к своим странным занятиям.

...Даже Восток должен закончиться, если зайти достаточно далеко, — это известно любому здравомыслящему человеку. В своем странствии Тиш видел, как четыре времени года Земли проходят вереницей по полям, возделанным человеком; каждое приходит, уходит и возвращается снова. Все экзотичнее становятся земли, если ехать, не останавливаясь, дальше на Восток. За последним из Шести Королевств Тишу открылись темные гнилые леса, чьи чахлые деревья устремляют свои узловатые корни к мякоти, сокам и извести земли, а в безобразных тенях дурачатся и хитро косятся назойливые Зуги; он видел зловонные трясины, покрытые бледным перламутром рясой, их страшных обитателей — вздутых червей, имеющих поразительные мордашки. На той стороне Гака Тиш ехал по пустыне, сплошь усеянной костями химер. Он потратил на путь по барханам около недели, неустанно молясь, чтобы любители обглаживать кости оставались невидимыми как можно дольше. За пустыней есть город, чьи опускные решетки выполняют роль зубьев так хорошо, что не приходится лукавить. Отсюда Тиш направил свою голодную зебру по бесплодному каменистому краю последней границы Востока. В один из дней он увидел Ночь, зловеще плескавшуюся под ним, медлительный тягучий водосем в мифическом Мхоре.

Тиш отпустил зебру. Кровавое солнце клонилось к закату. Свиристая Ночь устремилась вверх из долины, и Тиш не пужался, чтобы ему говорили, какое адское отродье скрывается до поры до времени в сумерках. Он зажег маленькую глиняную лампу, опустился на камень, закутался с головой в дорожный плащ...

Со множеством безусловных шорохов и всхлипов в темноте морозной стужи звездного пространства появились тени. Что-то, холодное и липкое, пролетело, едва не коснувшись его лба. Движущиеся очертания кошмара выступили за границы слабого света. Тиш услышал далекое недолгое безумное ржание своей зебры и вторившее ей злобное хихиканье. Вслед за этим стая теней потянулась к перевалу, прямо за пределы Мира, и Тиш начал осторожно спускаться по склону, неся с собою лампу. Каждый камень срывался под ногами в хлипкой чавкающей грязи. Повсюду были вырыты ямы, с уходящими в глубины порами. Лампа давала слишком мало света. Тиш оступался много чаще, чем ему хотелось бы, и как-то раз его рука соскользнула в одну из таких нор...

Позже он нашел стесанные ступени у основания башни, когда что-то мягкое стало угрожающе скатываться позади него, вздыхая в темноте и тревожа древние кости. Тиш был бы рад не увидеть

того, что предполагал. Он невянятно бормотал бессмысленные молитвы, обращенные к талисману, что лежал в кармане, пустословил и бешено карабкался вверх, цепляясь руками и ногами, по головокружительной лестнице, в то время как глухие подозрительные звуки у него за спиной усиливались, что-то мокрое вывернуло лампу из его ослабевших пальцев, проглотило ее со скотскими слюнями и повисло на шее, пока его окровавленные руки искали медную дверь. Тини толкнул ее, забрался внутрь и быстро захлопнул за собой. Что-то билось в дверь и зловеще хихикало.

Распластавшись в темноте на полу, бормоча о Черном камне, бесценном, и охраняемом Ночью в мифическом Мхоре, в бесформенном Ксюрхне, чьей душой он является, кто сидит во мраке высокой башни и беседует с Другими Богами, чьи методы наказания вора имеют веские причины для страха, но которые не в силах терпеть талисман, освященный самой богиней Итса-Каамбле, чья благородная красота разбивала миры вдребезги. Тини во тьме разбитого разума никогда не узнает, что талисман покинул его пальцы по молчаливому знаку священников с желтыми костистыми черепами...

Он не видел и того, как Ксюрхи спустился вниз вместе со своей душой, чтобы откликнуться на назойливый стук в дверь.

Перевод с английского — Карина Пилюян

Джр. ВАЛЬТЕР ДЕВИЛЛ

В ЮГИРОУТЕ

Когда-то там, не знаем где,
Не в сказочной стране,
А под луною, на земле
Их след исчез вове.

Жил подлый маленький народ,
Похожий на людей,
Запомни город Югирут,
Убежище теней.

Там поклонялись существам
Слепые гордецы,
Шли по стонам, да по стопам
За дедами отцы.

Исчез в всках сленей народ,
За вереницей дней,
Запомни город Югирут
Убежище теней.

Высоко над ним поднимался город, где мягкие низкие склоны Лерпона заканчивались, и остроконечная вершина его главного пика начинала свой долгий путь в туманное небо Сказочной Страны. Необитаемая и дремлющая, лежала она долгие годы в упадке и запустении, и до сего времени ни один человек не приходил узнать ее древние секреты. Только он, Нирлон Послушник, осмеливался проехать с севера берегом реки Скаи к ее истокам в высокой долине Мунантра, между Лерпоном и скалистой Дларет, и двинулся затем каменистыми тропами Лерпона туда, где спал, погруженный в молчаливое раздумие, Югирут.

Нирлон Послушник нагнул край широкополой меховой шляпы, чтобы защитить глаза от заходившего солнца, и тронул выносливого пони к подножью внешних стен.

Никто не знал, откуда и когда пришли люди в Югируут. Зеленые тели Мунантры уже бродили по лесам тайной величавой поступью, а гулкое эхо разносило их жуткие охотничьи крики, когда четыреста лет назад предки Нирлона появились с востока, чтобы поселиться в плодородной долине Скан и воздвигнуть Улгар, Нир и Хатер. Сильные сородичи инстинктивно не долюбливали жителей Югируута, находя их слишком короткими, чрезмерно волосатыми и не в меру молчаливыми. Возможно, если бы их лобные кости не выдавались бы так далеко вперед, нависая над маленькими острыми глазками, или бы они, по крайней мере, готовили мясо буюота перед едой, люди из долины Скан искали бы с ними общения, но в действительности, только несколько смельчаков сподобились выучить их грубый гортанный язык. Именно от этих отщепенцев и вечных неудачников доходили обрывки сведений до жителей Скан.

Не умными были люди Югируута, их каменные копья и ожерелья из волчьих клыков казались бесконечно устарелыми для разумных и изобретательных обитателей Скан. Слишком самоуверенно кичились они своим мастерством охоты на диких биопотов, хотя большая часть их успеха достигалась применением полуприрученных куршей, одновременно в качестве охотничьих собак и верховых животных. Это отвратительное ископаемое древних времен, давно вымершее в других областях Сказочной Страны, имело, в сущности, конское тело, на которое садились верхом наиболее отважные вожди, длинную узкую собачью морду, позволяющую брать след на больших расстояниях, и огромные когти, которые вместе с пастью, полной крупных неровных клыков, делали много больше вреда на охоте, чем их несовершенные копыта. Судя по всему, людей Югируута не беспокоил тот факт, что поровистые животные забирают себе львиную долю как в охотниках, так и в добыче, ибо если охота оказывалась успешной, оставалось довольно много, чтобы поделить трофей, а если нет, пассивные участники утоляли голод тех, кто числился в живых.

Даже приручение животных было за пределами способностей Югируутивян. Их обучали и воспитывали другие, более внушительные и зловещие существа. Однако их представление о времени было столь смутным, что они не могли сказать, десять ли, десять тысяч ли веков прошло с того дня, когда Существо в Желтой Маске пришло и научило их изготавливать копья, есть мясо и ездить верхом на куршах. А когда их спрашивали,

что Существо потребовало взамен, они только зловеще ухмылялись и делали каменные лица.

Именно Существо заставило их возвестить Югируут, чтоб в его стенах они могли поклоняться Ему и его невидимым братьям, страшным уродам из потусторонних сфер пространства и времени, чьи несказанные формы и бесформенности средь не были терпимыми для людей никаким количеством желтого шелка и гипнотических курений. Оно научило их класть камень на камень в укромной расщелине Лериона, месте обитания всей космической нечисти еще до сотворения человека. Оно же управляло работой бесчетных поколений, пока примитивный полу-человек не завершил цитадели ужаса, не имеющей себе равной в Волшебной Стране (ибо мрачный Кадат не вполне открыт людям космоса, сознающим ли или мечтающим).

Только один человек с берегов Скаи побывал в стенах Югируута и вернулся, но и Колдун Лотран сказал слишком мало того, что можно было понять. Он пришел в Ултгар на закате солнца, бессвязно лепеча о бесформенном ужасе, которого удалось избежать; сам ужас он описать отказался. Его напоили отваром с добавлением макового пасты и оставили отдыхать в верхней комнате постоялого двора. Когда утром старейшины Ултгара вошли в его комнату в надежде на более связный рассказ, они нашли только распахнутое окно, запах молнии и напеченой кожи. Никого, если не принимать во внимание глупые сплетни, будто бы старый Атал отыскал за кроватью башмак Лотрана, и этот башмак не был пустым.

Имей возможность, горожане Ултгара, Нира и Хатега с радостью бы покинули столь неприятных соседей. Одноokie в своей высокогорной долине, они жили там вовсе не для того, чтобы каждую Вальпургиеву ночь и на Святки не досчитываться нескольких молодых девиц и пухлых субъектов обоего пола время от времени в течение года. Люди с берега Скаи поспешили увязать пропажи с неизвестными огнями и барабанным боем на далеких холмах, а также со следами ног широкоستопых людей в своих садах и огородах. Поэтому с незапамятных времен небольшие отряды смельчаков отправлялись уничтожать Югируут и его обитателей. Всякий раз, когда они приближались к сумрачным лесам Мунантры, собирались тяжелые тучи и они находили себя окруженными кольцом разноцветных молний. Большинство тогда поворачивало назад, и те из них, кто оставался в живых, рассказывали о нестройной музыке, слышавшейся вперемешку

с диким хохотом людей Югирута, могильных парах и далекой фигуре, завернутой в желтый шелк. Собственно они и рассказали о стремительных вихрях, нападавших на человека по пасмурным проселкам, как невидимые псы, разрывая тело.

Во времена царствования Короля Пинла из Ултгара воины Скаи бросили вызов Югируту в последний раз. Каждый боеспособный мужчина выступил на тропу войны, вооруженный помимо орудий чарами и заклинаниями Самых Старейшин. Прибыв на закате и не желая штурмовать крепость в темноте, они разбили лагерь у ее стен.

Воины с берегов Скаи в ту ночь не смыкали глаз. Никто впоследствии не смог забыть всепошных снокопов на обтянутых кожей барабанах и вкрадчивых глумящихся голосов, идущих из жерла непостижимого ужаса, выступившего на авансцену на рассвете.

Первые шафрановые лучи зажгли вершину Лернона, наступило подобное грому молчание. Мгновение, показавшееся вечностью, никто не смел вздохнуть, ни чей взгляд не сорвался от безмолвных, укрытых в тени стен Югирута. И тогда начался тот жуткий молчаливый исход, о котором повествуют легенды, и говорят у каминов в Ултгаре.

Первый человек Югирута взобрался на стену. Ворота широко распахнулись, выпускала сначала десятки, потом сотни и тысячи, и эти толпы двинулись на ряды из Скаи, все указывало на начало атаки, на попытку разом ошеломить осаждающих. Но люди были поражены, почему они бегут в молчании, и, когда первый из них оказался рядом, стало видно, что они безоружны. И только потом, когда вся эта безоружная орава ринулась на ожидавшие их копыя, люди разглядели, наконец, их безумные ошалелые глаза и поняли, что ужас за пределами известных кошмаров пришел в Югирут, что Югирут обречен...

Последний очеловеченный зверь упал, съжившись на окровавленном лугу, воины Ултгара отступили в страхе, не посмев войти в город и стереть его с лица земли. С той поры ни один человек не возвращался туда, не считая Колдуна Лотрана. Но перед тем, как ему исчезнуть, Лотран успел сообщить кое-что первосвященнику Аталу, записавшему сказанное на пергаменте. Так искусно он спрятал этот пергамент, что как ни старались священники Ноденов, они не смогли найти и уничтожить его, вопреки бессвязной предсмертной воле патриарха. И вот теперь Нирлон Послушник обнаружил свиток и прочел в нем то, что никогда и нигде не будет больше записано.

В манускриптах Аталы Нирлон прочитал о сатанинских секретах, чему Существо в Желтой Маске научило жрецов Югирута, способных сделать их властителями Сказочной Страны, но они же, вопреки учению, лишь высекли для памяти их на стенках лабиринта под храмом на отвратительном Акло, языке, данном им Существом.

Путешествие заняло четыре дня: первый — вдоль плодоносных берегов Скаи, чьи ивовые заросли давали ему дневную прохладу; второй — по холмам, где весенние дикие цветы подвергали сомнению ценность его амбиций; третий — по темной прохладной Мунантре, в чьих лесах Иог таится биопот; и наконец, четвертый — вверх по каменистым горным тропам, где небо всегда было черным. Когда Нирлон вошел в город, черные тучи подступили с севера, и солнце скрылось за Лерионом.

Он нашел город на удивление хорошо сохранившимся. Всего несколько зданий обвалились. Только дважды тесная извилистая улица оказывалась завалена булыжником, и ему приходилось ехать в обход узкими переулками.

Громадный, в форме улья храм стоял на высоком уступе в задней части города. Нирлон добрался по выющим вверх улочкам до рыночной площади. Он помедлил мгновение, удивившись, как величественные стены пережили столетия горных бурь, и направил пони наверх по булыжному скату к единственному входу, длинной узкой трапеции под мраморным бортиком.

Внутри было темно. Нирлон зажег смолистый факел и увидел, что пространство храма состояло из одной огромной залы, загроможденной мрачным лесом пятиугольных колонн. Сначала он разглядел в них только анархию, но мало-помалу осознал странный несимметричный порядок, который нашел слишком беспокойным для восприятия. Затем его взору открылись семь больших статуй курешей, расставленных вдоль круглой стены, некоторые с завязанными глазами, другие с пристальными взглядами и раскрытыми ладонями. Каждый шаг отдавался эхом в сводах широкого купола. Единственный предусмотренный проход между колоннами вел на вторую половину храма, и Нирлон направил пони, напуганного приближением бури, к низенькому каменному столбику. Здесь он привязал животное и двинулся вниз по коридору к главному алтарю. Это был неправильный семиугольник, увенчанный статуей в мантии и капюшоне, в одной руке державшей копьё, в другой — крошечную копию биопота. Перед статуей зияло овальное отверстие, и, поднявшись на подиум, Нирлон падал каменные ступени, ведущие вниз в обитаемое чрево Лериона.

Нирлон долго спускался по витой, делавшей огромные круги лестнице, пока не утратил всякое чувство направления. Наконец ступени кончились, и он оказался в лабиринте узких проходов, чьи поросшие мхом стены соединялись наверху, а временами открывались прочные, с низкими потолками комнаты, разделенные аркадами из трапециевидных арок. Не сомневаясь, что найдет дорогу обратно, Нирлон постоянно забирал вправо и снова очутился на прежнем месте.

В центре лабиринта была огромная зала, почти такая же как и в храме наверху, и устроена она была похоже с семью курешами и главным алтарем. Позади статуи к стене привален плоский камень, наводя на мысли о потайном ходе. Нирлона смутили круглые стены залы, ибо они были целиком испещрены насечками на языке Акло.

Нелегким трудом оказалось для Нирлона разобрать неуклюжие иероглифы невежественных писцов; из них он узнал о архивах Ултгара. Он читал о слабосильных богах Земли. Он читал о других Богах, что однажды правили миром и снова вернутся к своему правлению, об Азатезе, центростремительной силе космического хаоса, об Йог-Сотозе, всепроникающем ужасе, обитающем в нижних сферах существования, о Наярлазотепе, окутывающим порой свои формы в желтый шелк. Нирлон прочитал о наградах избранным адептам. И наконец, Нирлон прочел леденящие кровь строки, вырезанные на переливчатой дощечке совершенно безукоризненным почерком, в которых говорилось о шутке, сыгранной Наялазотепом со своими любимцами, когда они призывали последнего, а он отказался прийти, взамен себя послал войско братьев, прожорливое, похоже, не в своем уме существо, испускавшее ужас, как ядовитые пары.

Нирлон закончил читать. Его факел дико мерцал, догорая. Мысль о долгом пути назад по лабиринту насторожила Нирлона. Его самообладание не улучшилось, когда проходя мимо алтаря, он увидел символ, начерченный на приваленном камне, и недавние повреждения мха вокруг него.

Дорога назад оказалась катастрофически трудной. Временами Нирлон готов был поверить, что кто-то передвинул эти стены за время его отсутствия обратно. Нирлон шел быстрее обычного, исследуя многочисленные тупики и отступления. В какое-то мгновение Нирлон готов был поклясться, что уловил мелькание желтого шелка в проеме трапециевидной арки, когда факел ярко вспыхнул в последний раз и погас...

На плавном вираже лестницы Нирлон несколько успокоился, но скоро начал быстро карабкаться вверх, держась левой стороны стены. Кромешная тьма обострила его слух, и он уже без труда слышал удары копыт пони в перерывах между раскатами грома. Ближе к вершине Нирлон слышал и сам дождь.

Появившись в чернильном мраке храма, Нирлон был неприятно поражен тем, что влажность значительно усилила прокисший запах. Он двинулся к алтарю, спустился и направился к нервно бившему копытами пони. По дороге он неловко споткнулся о тую, и его рефлекторно вытянутая рука коснулась гладкого бока пони. Он погладил по шерстке пони, конь психованно заржал. В это время вспышка молнии высветила дверь, нарисовав силуэт широко раскрывшего пасть куреша и рядом с ним чудовища в маске, которое держало поводья. Последнее, что Нирлон почувствовал, было горячее зловонное дыхание, за мгновение до того, как мощные челюсти сомкнулись на его голове.

Снаружи под дождем и в темноте коные копыта отбивали безумную дробь по мертвым улицам Югирута.

Перевод с английского — Карина Пилоян

**Вышли в свет:
Журнал «БОБОК»;
Альманах «БОБОК»:**

1. СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
2. САМОЕ ВРЕМЯ САЖАТЬ БЕГОННИИ.
3. КОКОН Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
4. ТЕНЬ ДЕМОНА. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
5. ВЕСЬ ГОРОД СПИТ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
6. БОБОК.
7. ПАЛЕЦ! ПАЛЕЦ! Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
8. СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА.
9. ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
10. МЕЧ ГОБЛИНОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
11. СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
12. ПАРАДИЗ II.
13. КСЮРХН. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
14. ХАРЯ И КУЛАК. Сказочки Федора СОЛОГУБА.
15. НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
16. ЦЫГАНСКИЙ РУБЛЬ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
17. ЧЕРНО-ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС ИЛИ ШОФЕР ОРАНЖЕВОГО ГРУЗОВИКА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
18. ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ. Из собрания Ивана СТЕКЛЯНИЩЕВА.
19. ДЕВОЧКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ. Из сборника «Вампиры в полночь».
20. ЛЕНИНИАДА. Из собрания Александра СЕГЕНЯ.
21. ТЕРАГРАМ. Из коллекции Айзека АЗИМОВА.
22. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ ГЕНЕРАЛА К. А. ЛУГИНА. С комментариями компетентных органов.
23. ЗНАК САТАНЫ.
24. СМЕРТЬ В КАНЬОНЕ. Из собрания Сергея ДОЛЖЕНКО.
25. ПРИЗРАК ПРОБУЖДАЕТСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
26. ТАИНСТВЕННЫЙ ДАР. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
27. СТАРИННОЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
28. ...ОТ ТЕМНОГО ПЛАМЕНИ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
29. РЫБКА ДЖОРДЖИ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
30. ЗЛАЯ ПАМЯТЬ ЖЕНЩИНЫ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
31. ПОД ПАЛЬЦАМИ БОГОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
32. ЭПИЗОД ИСТОРИИ МЕЖДУВРЕМЕНЬЯ.
33. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПРИХОДИЛА В ШЕСТЬ.

В библиотеке журнала «БОБОК»:

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВ. Роман.

Альфред ХИТЧКОК представляет:
ИСТОРИИ, НЕ РАССКАЗАННЫЕ МАМОЙ.
ИСТОРИИ ДЛЯ НОЧНОГО ЧТЕНИЯ.
САДИСТСКИЕ ИСТОРИИ.

Роалд ДАЛ. КРЫСОЛОВ. Сб. рассказов.
ПРЫЖОК В ГЛУБИНУ. Сб. рассказов.

Милорд Сэр СМИХТ. АНГЛИЙСКИЙ КОЛДУН. Сб. рассказов из коллекции Лина КАРТЕРА.

Роберт ХАЙЛАГН. МАГИЯ, ИНКОРПОРЕЙТЕД. Повести.

Виктор ОБУХОВ. ТАИНА БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ. Повесть.

Распространением альманаха, журнала, библиотеки журнала «БОБОК» и подобной печатной продукции занимается Товарищество с ограниченной ответственностью «БОБОК».

Поставкой альманаха, журнала, библиотеки журнала «БОБОК» и любых других книжных и периодических изданий России занимается Agence «BOBOK».

Издательство «БОБОК» принимает заказы от граждан СССР, иностранных подданных и лиц без гражданства на издание произведений «за счет средств автора».

Адреса одноименных редакций, товарищества, издательства и агентства «БОБОК»:

почтовый: 103104, Москва, К-104, а/я 26; телефонный (с 21 до 23 ч.): (095) 176-8087; присутственный (с 10 до 18 ч.): Москва, ул. Перовская, 47а, 2 подъезд, 2 этаж; факсимильный (круглосуточно): (095) 263-0389, for Iv. LOGUINOV.

Адрес постоянной выставки-продажи: Москва, книжный магазин № 15 (м. «Авиамоторная»).

В седьмую ночь крадущаяся, в одних чулках тень
прошла через третий и секретнейший погреб ненавист-
ного монастыря, где священники справляли мессу Юте,
сопровождая ее извращенными муками и молитвами...

